

Тан Юйхуэй почти заснул на стуле, когда Кан Чжэ вернулся, промчавшись на мотоцикле сквозь звёздную россыпь.

Зелёный тюбик шлёпнулся на колени Тан Юйхуэю. Кан Чжэ указал на свой нос и сказал:

— Намажь на обгоревшие места после того, как умоешься. Может, и не снимет боль, но заживёт быстрее.

Тан Юйхуэй, промычав: «О-о», взял тюбик, внимательно его рассмотрел и запоздало произнёс:

— Спасибо.

— Угу, — Кан Чжэ видел, что тот всё ещё витает в облаках, словно его душа не вернулась в тело, и не стал задерживаться. Поставив мотоцикл, он направился на задний двор.

Тан Юйхуэй смотрел, как его фигура удаляется, и вдруг осознал: сейчас снова воцарится безлюдная тишина. От этого сердце сжалось, и сонливость как рукой сняло. От скуки он посчитал: с момента ухода Кан Чжэ он за весь день произнёс не больше пяти фраз, включая заказ еды. Звёздное небо сегодня было очень красивым. Он долго сидел под этим сверкающим шатром, и ему стало немного грустно.

Тан Юйхуэй собрался с духом. Ему ужасно не хотелось возвращаться в одиночество, и он, вопреки своим привычкам, решился окликнуть единственного, с кем можно поговорить. Он считал, что начал вполне непринуждённо:

— Кан Чжэ, а где ты был сегодня?

Тот замер: его накрыло почти физическое раздражение. Больше всего Кан Чжэ ненавидел, когда постояльцы навязывались в собеседники. В разгар сезона он предпочитал целыми днями пасти коз и кормить лошадей на склонах гор, лишь бы не сидеть в гостинице под кондиционером, отбиваясь от нескончаемых туристов. Он знал, что всем видом излучает «я не хочу с тобой разговаривать» и «не беспокой меня по пустякам». Это получалось у него лучше всего. Такой воспитанный и чуткий человек, как Тан Юйхуэй, не мог этого не заметить.

«Наверное, он и вправду жалок», — подумал Кан Чжэ. Тан Юйхуэй большую часть суток пребывал в рассеянности, отрешённо смотрел вдаль, словно ждал кого-то, но позабыл об этом. Каждый его выход на улицу походил на тихое самоубийство: целыми днями он бродил под солнцем, словно ежедневно прощаясь с миром.

Раз Тан Юйхуэй ещё учится, значит приехал не по работе. Он также не похож на представителя творческой интеллигенции. С ним определённо что-то случилось, иначе зачем ехать в Тибет на целый месяц? Типичная история — догадаться нетрудно. Кан Чжэ мирился с положением дел, пока Тан Юйхуэй не пытался излить душу. Не большой охотник копаться в

чужих ранах и слушать чужие истории, Кан Чжэ по возможности старался не лезть в чужие дела.

Он равнодушно обернулся, собираясь отделаться парой фраз и пойти спать, но, повернувшись, замер. Если бы его спросили, Кан Чжэ сказал бы, что у Тан Юйхуэя были глаза, идеально приспособленные для выживания в обществе — обманчивые. Зрачки — большие и яркие, с особенным, мягким свечением, когда ему становилось грустно, в них будто собирались целые заводы печали, оставленные дождём. Кончик его носа всё ещё был красным: должно быть Тан Юйхуэй слишком долго просидел на улице. Глядя на Кан Чжэ, он чихнул и недовольно сморщил нос, отчего сразу стал ещё более жалким.

«Ладно», — вздохнул Кан Чжэ. Он давно не был дома, и сегодня, едва он вернулся, отец заставил его целый час на коленях слушать молитвы в храме. Говорили о добродетели. Может, это знак, что ему пора совершать добрые дела. Кан Чжэ зашёл в дом, взял маленький стульчик, достал одеяло, в которое обычно кутался у огня, и устроился рядом с Тан Юйхуэем. Тот сразу занервничал и поспешно сказал:

— А... не нужно... не хотел утруждать тебя разговором.

«Да брось, — подумал Кан Чжэ, — у тебя на лице написано, что тебе очень нужно, чтобы кто-то был рядом».

Не ответив на его реплику, он прямо спросил:

— Тебе целыми днями совсем нечем заняться?

Тан Юйхуэй замер, немного помолчал, и выдавил:

— Мгм.

Кан Чжэ равнодушно посмотрел на него:

— Разве ты не студент? Сбежать на месяц — это нормально?

В ответ снова было молчание. Тан Юйхуэй сжал ладони:

— Я сейчас в академическом отпуске...

«А, вот оно что». — В голове Кан Чжэ безжалостно прозвучало: «Бинго!». Он подумал, что Тан Юйхуэя слишком легко считывать. Неужели ему почти двадцать четыре? Он начал строить предположения. Тан Юйхуэй упомянул академический отпуск с явным смущением — значит, причина не в здоровье. Возможно, проблемы в отношениях с окружающими. Приехал один, без

семьи, за два дня ни одного звонка — с семьёй тоже не всё гладко. Кан Чжэ, уделив каплю внимания и десять секунд анализу текущей ситуации, ловко обошёл ключевые слова «учёба» и «семья», не стал о них расспрашивать, и бросил Тан Юйхуэйю:

— Есть планы на поездку?

Тишина.

— Куда собираешься дальше?

Молчание.

— Как собираешься провести эти тридцать дней?

Снова тишина.

— Когда возвращаешься домой?

И снова ответа не последовало.

Вопросы Кан Чжэ становились всё проще, но Тан Юйхуэй не мог ответить ни на один из них. Ему снова стало неловко. Он не понимал, почему Кан Чжэ своей прямотой и холодностью всегда доводит его до такого состояния. Он понемногу пытался смириться с тем, что люди замечают его слабости, но всё равно не хотел, чтобы Кан Чжэ видел его беспомощность [1].

[1] 狼背 (lángbèi) — состоит из двух иероглифов: 狼 (láng) — волк и 背 (bèi) — мифическое животное, похожее на волка, но с очень короткими передними лапами. Легенда гласит, что 背 не может передвигаться самостоятельно и вынуждено ездить на спине волка. Если волк падает или попадает в беду, то и 背 оказывается в беспомощном положении. Другая версия легенды говорит, что у них разные дефекты (у одного короткие передние лапы, у другого — задние), и они могут нормально передвигаться только вместе.

Выражение означает, что человек выглядит жалко, растерянно, неопратно, либо находится в неловкой или унижительной ситуации, в замешательстве, не знает, что делать.

— Ясно, — Кан Чжэ не стал давить и спокойно произнёс: — Тогда ты и правда молодец.

Тан Юйхуэй опешил, глядя на него так, словно не понимал ни слова.

— Многие любители путешествий привозят из дома чувство превосходства. Словно жизнь где-то в других краях благороднее, чем рутинное существование среди «дров, риса, масла и соли».

Даже если едут не ради показухи, всё равно ждут от природы чего-то взамен — впечатлений, откровений или просто счастья. Ты не боишься тратить ни деньги, ни время, приехал сюда, в Западную Сычуань, даже тёплой куртки не прихватив и не зная, будет ли у тебя горная болезнь. Если я скажу, что ты не боишься тратить жизнь, это не будет преувеличением. При этом тебе ничего не нужно. Ты не ждёшь от пейзажей отдачи, тебе все равно куда идти, увидишь что-то или нет — без разницы. Ты даже счастья не ищешь. Разве это не лучший самодостаточный способ жить на свете?

Произнеся эту длинную тираду, Кан Чжэ, пользуясь тем, что Тан Юйхуэй всё ещё пребывает в замешательстве, медленно поднялся, стряхнул с себя пепел, летевший от костра, и сказал ему:

— Сейчас мой друг организует на тагунских лугах фестиваль конных скачек. Днём я помогаю ему с лошадьми. Если нечем заняться, можешь завтра присоединиться. Не забудь погуще намазаться солнцезащитным кремом.

Сказав это, Кан Чжэ, не дожидаясь и будто бы даже опасаясь, что Тан Юйхуэй начнёт изливать ему душу, не оборачиваясь пошёл на задний двор, оставив Тан Юйхуэя одного под звёздами размышлять о жизни.

Тан Юйхуэй, ошеломлённый его словами, отрешённо смотрел на сияющий Млечный Путь и думал: «Неужели я ничего не ищу? Даже счастья?»

***

По пути от костра, Кан Чжэ размышлял, не перегнул ли палку. Неужели этот странный гость поверил ему на слово? Подумав, он безразлично усмехнулся. В своё время скитался по Тибету, в Лхасе толковал людям буддийские сутры. То, что наставник объяснял одной фразой, Кан Чжэ раздувал до размеров проповеди. Со временем «просветляющие» изречения стали слетать с его языка сами собой.

Туристы почему-то любили с ним беседовать, не замечая, что в его сердце нет покоя, а в словах — истинной мудрости. Впрочем, Кан Чжэ считал это своеобразной духовной практикой. Люди обожают философские изречения. Вино вкуснее, когда чаша наполовину полна, луна прекраснее, когда наполовину скрыта. Все хотят увидеть правду, но боятся взглянуть ей в глаза.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130164>